

ГЕРМАН ГЕССЕ

НАРЦИСС И ЗЛАТОУСТ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-3
ББК 84(4Гем)-44
Г43

Серия «Эксклюзивная классика»

Hermann Hesse

NARZISS UND GOLDMUND

Перевод с немецкого *В. Д. Седельника*

Серийное оформление *Е. Д. Фerez*

Печатается с разрешения издательства
Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main.

Гессе, Герман.

Г43 Нарцисс и Златоуст : [роман] / Герман Гессе ; [пер. с нем. В. Д. Седельника]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-095605-0

«Нарцисс и Златоуст» — философская повесть, которую наряду с «Петером Каменциндом» принято считать ключевой для творческого становления Гессе.

Стилизованная под авантюрный роман позднего Средневековья история двух гениальных друзей-последников из уединенного германского монастыря, идущих к духовному просветлению и совершенству в искусстве различными путями.

Увлекательное и мудрое произведение, которое по-прежнему не утратило философской актуальности и все еще восхищает читателей тонкой изысканностью.

УДК 821.112.2-3
ББК 84(4Гем)-44

© Hermann Hesse, 1930
© Перевод. В. Д. Седельник, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-095605-0

Глава 1

Перед полукруглой аркой входа в монастырь Мариабронн, покоящейся на небольших сдвоенных колоннах, у самой дороги стоял каштан, одинокий сын юга, когда-то занесенный сюда римским паломником, благородный каштан с могучим стволом; мягко склонялась над дорогой его круглая крона, полной грудью дышала на ветру; весной, когда все вокруг уже зеленело и даже монастырский орешник покрывался красноватой молодой листвой, каштан не торопился раскрывать почки, позже, в пору самых коротких ночей, он вдруг выбрасывал вверх из пучков листвы бледные зеленовато-белые лучики своих необычных соцветий с таким призывным, удушливо терпким запахом, а в октябре, после сбора фруктов и винограда, из желтеющей кроны падали под порывами ветра на землю колючие плоды, которые созревали не каждый год; из-за них устраивали потасовки монастырские мальчишки, а помощник настоятеля Грегор, родом из Италии, жарил их на каминном огне в своей келье. Непривычно ласково шелестела над входом в монастырь Мариабронн крона красавца каштана, деликатного, немного зябнувшего гостя из других краев, связанного тайным родством со стройными, вырубленными

из песчаника сдвоенными колоннами портала и каменными украшениями сводчатых окон, карнизов и пилястров, любимца итальянцев и латинян и чужака в глазах местных жителей.

Не одно поколение монастырских воспитанников прошло под кроной чужестранного дерева, держа под мышкой грифельные доски, болтая, смеясь, играя, препираясь, босиком или в башмаках, смотря по времени года, с цветком в губах, орехом за щекой или снежком в руке. Приходили новенькие, каждые несколько лет появлялись другие ученики, в большинстве своем похожие друг на друга: белокурые и курчавые. Иные оставались в монастыре, становились послушниками, становились монахами, принимали постриг, надевали рясу и подпоясывались шнурком, читали книги, обучали мальчишек, старели, умирали. Другие, закончив учебу, разъезжались с родителями по домам, в рыцарские замки, в дома купцов и ремесленников, разбредались по миру и занимались своими играми и промыслами, став взрослыми мужчинами, хотя бы разок навещали в монастырь, приводили в обучение к монастырским отцам своих сыновей, задумчиво улыбаясь, ненадолго вздымали глаза к кроне каштана и снова исчезали. В кельях и залах монастыря между круглыми массивными сводами окон и стройными сдвоенными колоннами из красного камня жили, учились, постигали науки, распоряжались, управляли; здесь из поколения в поколение развивали всякого рода искусства и науки, религиозные и светские, светлые и темные. Здесь писали и комментировали книги, изобретали системы, собирали сочинения древних, иллюстрировали рукописи, укрепляли в народе веру и над этой же верой посмеивались. Ученость и благочестивое смирение, наивность и лукавство, мудрость евангелий и мудрость греков, белая и чер-

ная магия — все здесь понемногу расцветало, всему находилось место; место находилось как для отшельничества и покаяния, так и для общительности и удовольствий; от личности настоятеля и господствующего течения времени всякий раз зависело, что получало перевес и преобладание. Иногда монастырь славился и посещался благодаря своим заклинателям дьявола и знатокам демонов, иногда благодаря святому отцу, исцелявшему болезни и творившему чудеса, иногда благодаря своей шучьей ухе и паштетам из оленьей печени, для всего приходило время. И всегда среди множества монахов и учеников, ревностных и безразличных, соблюдающих пост и предающихся чревоугодию, среди многих, что приходили, жили и умирали в монастыре, находился кто-нибудь особенный, не похожий на других, кого все любили или боялись, кто казался избранным, о ком еще долго говорили, забыв о тех, кто жил в одно с ним время.

Вот и сейчас в монастыре Мариабронн было двое таких особенных, не похожих на других, старец и юноша. Среди многочисленной братии, заполнявшей спальни, церкви и классные комнаты, было двое, которых знали все, на которых все обращали внимание. То были настоятель Даниил, старец, и воспитанник Нарцисс, юноша, который только недавно стал послушником, но благодаря своему особому дарованию уже использовался, против обыкновения, как преподаватель, особенно в греческом. Обоих, настоятеля и послушника, ценили и уважали в монастыре, с них не спускали глаз, они возбуждали любопытство, вызывали восхищение и зависть, по их поводу втайне злословили.

Настоятеля любило большинство, у него не было врагов, он был преисполнен доброты, простоты и смирения. Только монастырские ученые примешивали

к своей любви малую толику снисходительности, ибо настоятель Даниил мог быть святым, но ученым он не был. Ему была присуща та простота, которая сродни мудрости; но его познания в латыни были скромны, а греческого он вообще не знал.

Те немногие, что при случае посмеивались над простотой настоятеля, были тем более очарованы Нарциссом, этим вундеркиндом, который говорил на изысканном греческом языке, этим прекрасным юношей с рыцарски безукоризненными манерами, спокойным проницательным взглядом мыслителя и тонкими, красиво и строго очерченными губами. За то, что он превосходно знал греческий, его любили ученые. За благородство и изящество он был любим почти всеми, многие были в него просто влюблены. Но его спокойствие, выдержка и отменные манеры кое-кому были не по душе.

Настоятель и послушник, каждый по-своему, несли свой удел избранности, по-своему властвовали, по-своему страдали. Каждый из них чувствовал, что близок и симпатичен другому больше, чем всей остальной монастырской братии; и все же они не тянулись друг к другу, все же между ними не было доверительности. Настоятель относился к юноше с величайшей заботливостью, с величайшим вниманием, пекся о нем, как об избранном, нежном, быть может, слишком рано созревшем, быть может, подверженном опасностям брате. Юноша принимал каждое приказание, каждый совет и каждую похвалу настоятеля с абсолютным самообладанием, никогда не пререкался, никогда не выражал недовольства, и если настоятель не ошибался, полагая единственным его пороком высокомерие, то он великолепно умел этот порок скрывать. Его не в чем было упрекнуть, он был само совершенство, он превосходил всех. Жаль только, что лишь

немногие, кроме ученых, становились его настоящими друзьями, что своей утонченностью он был окутан, как остужающим воздухом.

— Нарцисс, — однажды после исповеди сказал ему настоятель, — я виноват в том, что слишком строго судил о тебе. Я часто считал тебя высокомерным и, может статься, был к тебе несправедлив. Ты совсем один, мой юный брат, ты одинок, у тебя есть поклонники, но нет друзей. Иногда мне хотелось пожуричь тебя, но ты не давал для этого повода. Иногда мне хотелось, чтобы ты совершил какую-нибудь шалость, как это нередко случается с молодыми людьми твоего возраста. Но ты никогда не шалил. Временами я немного тревожусь за тебя, Нарцисс.

Юноша поднял на старика свои темные глаза.

— Я вовсе не хочу причинять вам беспокойство, отец мой. Может быть, я действительно заносчив. Прошу вас наказать меня за это. Отправьте меня в пустынь или велите исполнять самые тяжелые работы.

— Ты еще слишком молод для того и другого, дорогой брат, — возразил настоятель. — Вдобавок у тебя большие способности к языкам и медитации, сын мой. Возложи я на тебя тяжелые работы, это было бы расточительством дарований, данных тебе от Бога. Вероятно, ты станешь учителем или ученым. Разве тебе самому не хочется этого?

— Простите, отец мой, мне еще точно не известны мои желания. Я всегда с радостью буду заниматься науками, разве может быть по-другому? Но я не думаю, что наука станет моим единственным поприщем. Не всегда ведь судьбу и призвание человека определяют его желания, есть и нечто иное, предопределенное.

Настоятель выслушал и помрачнел. И все же, когда он заговорил, на его старом лице появилась улыбка.

— Насколько я знаю людей, все мы, особенно в молодые годы, в какой-то мере склонны путать провидение и собственные мечты. Но раз уж ты полагаешь, что наперед знаешь о своем предназначении, расскажи мне о нем. В чем, по-твоему, твое призвание?

Нарцисс полузакрыв свои темные глаза, и они совсем спрятались за длинными черными ресницами. Он молчал.

— Говори, сын мой, — после затянувшейся паузы напомнил настоятель.

Не поднимая глаз, Нарцисс тихо заговорил:

— Мне кажется, я знаю, что прежде всего я предназначен для монастырской жизни. Мне кажется, я стану монахом, священником, помощником настоятеля и, может быть, настоятелем. Я не стремлюсь к должностям, но на меня будут их возлагать.

Оба долго молчали.

— Откуда у тебя эта вера? — поколебавшись, спросил старик. — Какие свойства в тебе, кроме учености, внушают тебе эту веру?

— Это свойство, — медленно проговорил Нарцисс, — способность чувствовать сущность и предназначение, не только мои собственные, но и других людей. Это свойство вынуждает меня служить другим, повелевая ими. Не будь я рожден для монастырской жизни, я бы стал судьей или государственным деятелем.

— Может быть, — кивнул настоятель. — Ты уже испытал на примерах свою способность постигать людей и их судьбы?

— Да, испытал.

— Ты готов привести хотя бы один пример?

— Готов.

— Хорошо. Поскольку мне не хотелось бы без ведома наших братьев вторгаться в их тайны, может

быть, ты скажешь, что тебе известно обо мне, настоятеле Данииле?

Нарцисс поднял голову и посмотрел настоятелю в глаза.

— Это ваше приказание, отец мой?

— Да, приказание.

— Мне трудно говорить, отец.

— И мне нелегко заставлять тебя говорить, мой юный брат. И все же я это делаю. Говори!

Нарцисс опустил голову и шепотом произнес:

— Я знаю о вас немного, благочестивый отец. Я знаю, что вы служитель Господа и что вы с большей охотой пасли бы коз или в ските слушали перезвон колокольчика и принимали исповедь у крестьян, а не управляли большим монастырем. Я знаю, что особенную любовь вы питаете к Божьей Матери и чаще всего молитесь ей. Иногда вы молитесь о том, чтобы греческие и прочие науки, которыми занимаются в этом монастыре, не внесли опасной сумятицы в души вашей паствы. Иногда вы молитесь, чтобы вас не оставило терпение в отношениях с вашим помощником Грегором. Иногда просите послать вам легкую смерть. И вы, я думаю, будете услышаны, вас ждет легкая кончина.

В маленькой приемной настоятеля стало тихо. Наконец старик заговорил.

— Ты склонен к мечтательности, и у тебя бывают видения, — дружелюбно сказал он. — Благочестивые и приятные видения тоже могут ввести в заблуждение; не полагайся на них, как и я на них не полагаюсь... Ты видишь, мой мечтательный брат, что я думаю об этих вещах в сердце своем?

— Я вижу, отец мой, что вы относитесь к ним с большой доброжелательностью. Вы думаете: «Этот юный ученик немного нездоров, у него бывают виде-

ния, быть может, он слишком много времени уделяет медитации. Я мог бы наложить на него покаяние, оно ему не повредит. Но епитимью, которую я наложу на него, мне надобно взять и на себя». Вот что вы только что подумали.

Настоятель поднялся. С улыбкой он показал послушнику, что пора прощаться.

— Ладно, — сказал он, — не принимай своих видений чересчур всерьез, мой юный брат; Господь требует от нас не видений, а кое-чего иного. Предположим, ты польстил старику, пообещав ему легкую смерть. Предположим, старик какое-то мгновение с удовольствием внимал твоему обещанию. Но хватит об этом. Прочти все молитвы Розария, завтра же после утренней мессы, прочти не поверхностно, а со смирением и самоотречением, я сделаю то же самое. А теперь иди, Нарцисс, довольно разговоров.

В другой раз настоятелю Даниилу пришлось улаживать спор между самым молодым из наставников и Нарциссом, которые не смогли договориться об одном пункте учебного плана: Нарцисс с большой горячностью настаивал на том, чтобы ввести в преподавание кое-какие новшества, и убедительно обосновывал необходимость такого шага; однако отец Лоренц, из своего рода ревности, не хотел на это идти, и за каждым новым обсуждением следовали дни раздраженного молчания и взаимной обиды, пока Нарцисс, чувствуя свою правоту, не начинал разговор снова. Наконец патер Лоренц не без обиды в голосе сказал:

— Ладно, Нарцисс, пора положить конец нашему спору. Ты ведь знаешь, что решение должен принимать я, а не ты, ты мой помощник, а не коллега и обязан мне подчиняться. Но поскольку дело кажется тебе столь важным и поскольку я превосхожу тебя в должности, но не в знаниях и таланте, мне не хочется при-

нимать решение самому, давай лучше доложим отцу настоятелю, пусть решает он.

Так они и сделали, и настоятель Даниил терпеливо и любезно выслушал мнения обоих ученых о преподавании грамматики. После того как они подробно изложили и обосновали свои соображения, старик весело взглянул на них, слегка покачал седой головой и сказал:

— Дорогие братья, вы ведь и сами не верите, что я разбираюсь в этих вещах столь же хорошо, как и вы. Похвально, что Нарцисс принимает школьные дела так близко к сердцу и стремится усовершенствовать учебный план. Но если его начальник придерживается иного мнения, Нарциссу следует умолкнуть и подчиниться, ибо все улучшения учебного плана не стоят того, чтобы ради них нарушались порядок и дисциплина в этом доме. Я порицаю Нарцисса за то, что он не сумел уступить. А вам обоим, молодым ученым, я желаю, чтобы у вас никогда не было недостатка в предстоятелях, которые глупее вас; лучшего средства от заносчивости не бывает.

С этой добродушной шуткой он отпустил их. Но в последующие дни он не забывал присмотреть за тем, чтобы между обоими наставниками установилось доброе взаимопонимание.

И вот случилось так, что в монастыре, видевшем столько лиц, которые приходили и уходили, появилось новое лицо, и это новое лицо не относилось к числу тех, что остаются незамеченными и скоро забываются. Это был юноша, уже давно записанный отцом в число воспитанников; в один из весенних дней он приехал, чтобы учиться в монастырской школе. Они, юноша и его отец, привязали своих лошадей к каштану, из портала навстречу им вышел привратник.

Отрок поднял глаза на голую после зимы крону.

— Такого дерева я еще не видел. Прекрасное, удивительное дерево! Хотел бы я знать, как оно называется.

Отец, пожилой господин с озабоченным лицом, на котором застыла хитроватая усмешка, не обратил внимания на слова юноши. Однако привратник, которому мальчик сразу пришелся по нраву, ответил на его вопрос. Отрок любезно поблагодарил его, подал руку и сказал:

— Меня зовут Златоуст, здесь я буду учиться в школе.

Привратник дружелюбно улыбнулся ему и пошел впереди вновь прибывших через портал и дальше, вверх по широким каменным ступеням, и Златоуст вступил в монастырь без колебаний, с чувством, что здесь он уже встретил двух существ, с которыми мог подружиться, — дерево и привратника.

Прибывших принял сначала патер, ведавший делами школы, а к вечеру и сам настоятель. В обоих случаях отец, имперский чиновник, представил своего сына, и его пригласили погостить некоторое время в монастыре. Однако он воспользовался гостеприимством только на одну ночь, объявив, что на следующий день должен уехать. В качестве дара он предложил монастырю одну из своих лошадей, и этот дар был принят. Беседа с духовными лицами была вежливой и холодной; но и настоятель, и патер с радостью поглядывали на почтительно молчавшего Златоуста, красивый и ласковый юноша им тотчас понравился. На следующий день они без сожалений расстались с отцом, сына же с удовольствием оставили у себя. Златоуста представили наставникам, он получил койку в спальне для воспитанников. Почтительно и опечаленно простился он со своим отъезжающим отцом, стоял и смотрел ему

вслед, пока тот не проехал между амбаром и мельницей и не скрылся за узкими сводчатыми воротами внешнего монастырского двора. Когда он обернулся, на его длинных светлых ресницах повисла слеза; но к нему уже подошел привратник и ласково похлопал его по плечу.

— Не печалься, барчук, — сказал он, утешая Златоуста. — Поначалу почти все немножко тоскуют по родине, по отцу с матерью, по братьям и сестрам. Но ты скоро увидишь: здесь тоже можно жить, и очень даже неплохо.

— Благодарю, брат привратник, — сказал юноша. — У меня нет ни матери, ни братьев и сестер, у меня есть только отец.

— Зато ты найдешь здесь товарищей, и ученость, и музыку, и новые игры, пока еще тебе неведомые, и многое другое, вот увидишь. А если у тебя появится нужда в человеке, который хорошо к тебе относится, тогда приходи ко мне.

Златоуст улыбнулся ему.

— О я очень вам благодарен. Если вы хотите доставить мне удовольствие, покажите мне, пожалуйста, скорее, где стоит наша лошадка, которую оставил здесь мой отец. Я хотел бы поприветствовать ее и взглянуть, хорошо ли ей живется.

Привратник тут же повел его в конюшню рядом с амбаром. Там в тепловатом полумраке стоял острый запах лошадей, навоза и ячменя, и в одном из стойл Златоуст нашел гнедого, который на своей спине доставил его сюда. Он обнял животное, которое узнало его и вытянуло к нему голову, обеими руками за шею и прижался щекой к широкому лбу с белой звездочкой, ласково погладил его и прошептал на ухо:

— Здравствуй, Звездочка, славная моя лошадка, как поживаешь? Ты еще любишь меня? У тебя доволь-

но еды? Вспоминаешь ли ты о родном доме? Звездочка, лошадка моя, как хорошо, что ты осталась здесь, я буду часто приходить к тебе и присматривать за тобой.

Он вытащил из-за отворота рукава ломоть хлеба, оставшийся от завтрака и припасенный им впрок, и, отламывая по кусочку, скормил лошади. Затем распрощался и вслед за привратником прошел во двор, широкий, как рыночная площадь большого города, и частично заросший липами. У входа во внутренний двор он поблагодарил привратника и пожал ему руку, но обнаружил, что уже не помнит дорогу в свой класс, негромко засмеялся, покраснел и попросил привратника проводить его туда, что тот с удовольствием и сделал. Когда он вошел в классную комнату, в которой на скамьях сидела дюжина мальчиков и юношей, помощник учителя Нарцисс повернул к нему голову.

— Я Златоуст, — сказал мальчик, — новый ученик.

Нарцисс поздоровался, не улыбнувшись, указал ему место на задней скамейке и сразу же продолжил занятие.

Златоуст сел. Он удивился, встретив столь юного учителя, лишь на несколько лет старше его самого, удивился и очень обрадовался тому, что этот молодой учитель оказался таким красивым, благородным и серьезным и при этом таким привлекательным и достойным любви. Привратник был с ним ласков, настоятель встретил его очень любезно, в стойле стояла Звездочка, которая была частичкой родины, а тут еще этот удивительно молодой учитель, серьезный, как учитель, и благородный, как принц, да еще с таким спокойным, строгим, деловым и не терпящим возражений голосом! Исполненный признательности, он стал слушать, еще не совсем понимая, о чем идет речь. У него было хорошо на душе. Он попал к добрым, до-

стойным людям и был готов любить их и добиваться их дружбы. Утром в постели, едва проснувшись, он чувствовал себя подавленным, да и усталость от долгого путешествия еще не прошла, а прощаясь с отцом, он даже немного всплакнул. Но сейчас ему было хорошо, он был доволен. Снова и снова он подолгу задерживался взглядом на молодом учителе, любовался его подтянутой фигурой, его холодно сверкающими глазами, его строгими губами, четко и ясно произносимыми слова, его вдохновенным, не знающим усталости голосом.

Но когда урок закончился и ученики с шумом поднялись со своих мест, Златоуст испуганно вздрогнул и с некоторым смущением заметил, что он на какое-то время задремал. И не только он один заметил, это увидели и его соседи по скамейке и шепотом передали дальше. Едва молодой учитель вышел из классной комнаты, как товарищи принялись дергать и толкать Златоуста со всех сторон.

— Выспался? — спросил один из них и ухмыльнулся.

— Ну и школяр! — с насмешкой крикнул другой. — Из него выйдет отличное церковное светило. На первом же уроке уснул как сурок!

— Отнесем малыша в постельку, — предложил кто-то, и они со смехом схватили его за руки и ноги, чтобы вынести из класса.

Рассердившись, Златоуст попытался вырваться, он наносил удары направо и налево, получал тычки, его бросили на пол, кто-то еще держал его за ногу. Он рывком освободился, бросился на первого встречного, оказавшегося на его пути, и тотчас же затеял с ним отчаянную потасовку. Его противник был сильный парень, и все с любопытством взирали на поединок. Когда же Златоуст не поддался и угостил